

# Национал-радикалы от президентства Медведева до войны в Донбассе

Темой этой статьи является эволюция радикального крыла русских националистов с начала президентства Дмитрия Медведева в 2008 году до войны в Донбассе. Необходимо уточнить, кого именно мы относим к “радикальному крылу”. Русский национализм — весьма широкое понятие<sup>1</sup>, так что никакого единого движения русских националистов просто не существует<sup>2</sup>. Но в ситуации авторитарного режима и слабости политических движений в целом действует важный различающий критерий — отношения с властью. Меня интересуют здесь только оппозиционные группы, так как именно они безусловно доминировали в описываемый период. Далее, меня интересуют наиболее типичные и массовые формы этого оппозиционного национализма, а именно радикальные этнонационалисты, так как именно они — за вычетом немногочисленных пока национал-демократов — играли ключевую роль в движении во все путинские годы<sup>3</sup>. Несколько упрощая, можно сказать, что меня интересует ядро “Русского марша”, которое я буду здесь для краткости именовать национал-радикалами. Это те группы, которые еще в 2013 году были так или иначе связаны с движением “Русские”, ряд других отдельных организаций, а также множество автономных групп, обычно молодежных. Многие, но далеко не все эти группы называют себя “национал-автономами”, национал-социалистами, НС и т.д., но в целом эта среда автономных групп характеризуется ориентацией на разные неонацистские идеи и на практику расистского насилия.

В 2007 году я писал о русском националистическом мейнстриме, который пришел на смену “старому национализму”<sup>4</sup>. Если кратко суммировать, в середине 2000-х сложилось довольно мощное по меркам того времени движение, резко отличавшееся от национализма 90-х. Оно ориентировалось не на те или иные ностальгические образы, а на максимально упрощенную идею построения новой, этнически чистой (ну, или, по крайней мере, этнически иерархизированной) России вместо утраченной империи. Оно основывалось на движении наци-скинхедов, выросшем на уличном насилии и агрессивном расизме, хотя само скинхедство в субкультурном смысле начало уже выходить из моды.

В данной статье я рассматриваю эволюцию этого движения, а точнее — его кризис<sup>5</sup>, который довольно далеко зашел уже до войны в Украине<sup>6</sup> и резко усугубился после ее начала, что и побуждает подвести итог явно заканчивающемуся (или уже оконченному) периоду в истории русского национализма.

В деятельности радикальных русских националистов всегда есть три измерения — собственно политическая активность, идеологически мотивированное насилие (которое является не маргинальной, а неотъемлемой формой активности) и отношения с властями. Конечно, эти три измерения всегда взаимосвязаны, но здесь я попробую рассмотреть их отдельно.

## Отношения с властью

Не допустив национал-радикалов на парламентские выборы 2007 года<sup>7</sup>, федеральная власть взяла курс на их подавление. Разумеется, речь при этом не шла о тотальных репрессиях.

Во-первых, в достаточно массовом порядке арестовывали и приговаривали к существенным срокам лишения свободы многих из тех, кто был вовлечен в расистское насилие. Результатов было как минимум два: уровень насилия начал снижаться, одновременно милитантные группы уходили в подполье и отрывались от политических движений. Причем в 2008–2009 годы скорее можно было говорить о втором результате, а позже — о первом, так что усиление полицейских мер оказалось эффективным. Хотя с годами количество арестованных снижалось, эффект сохранялся еще долго, по крайней мере, до 2013 года. Поскольку основная масса национал-радикалов — это как раз члены ориентированных на насилие групп, все движение воспринимало эту политику как “объявление войны”, что повышало градус антиправительственных настроений в среде.

В конце 2007 — начале 2008 годов под давлением правоохранительных органов развалилось динамично развивавшееся прямо перед этим “Национал-социалистическое общество” (НСО) Дмитрия Румянцева и Сергея Коротких. Эта организация совмещала активную политическую деятельность и не менее активное насилие, включая убийства. Крах НСО на годы вперед объяснил молодым национал-радикалам, что такое совмещение власти считает категорически недопустимым.

Во-вторых, политические движения тоже подвергались существенному давлению. Политических активистов не сажали, но ощущение безнаказанности исчезло. Разгром НСО устранил сильнейшего конкурента Движения против нелегальной иммиграции (ДПНИ), флагмана русского этнонационализма 2000-х. Но и само ДПНИ оказалось под все более серьезным давлением. Например, от условного приговора вождю ДПНИ Александру Белову в 2009 году власти дошли до запрета ДПНИ как экстремистской организации в 2011-м, и, на-

конец, до ареста самого Белова в 2014-м. Речь шла о том, чтобы окончательно маргинализировать целое течение в русском национализме. Полная бесперспективность участия в ДПНИ и подобных организациях вела к сокращению их численности и побуждала руководство к политическим маневрам (см. ниже).

В-третьих, были созданы альтернативы для национал-радикалов, желающих порвать с теми группами, которые стали объектом противодействия властей. В 2007–2009 годах основной альтернативой служили структуры, связанные с “Русским образом” (РО)<sup>8</sup>. Туда уходили, что примечательно, многие наиболее радикальные неонацистские молодежные группы. РО позиционировал себя как политически нейтральную группу, а свое террористическое крыло — Боевую организацию русских националистов (БОРН) — не афишировал. В то же время прокремлевские молодежные движения (в наибольшей степени подмосковные “Местные”) начинают кампанию против “нелегальных мигрантов”, очень напоминающую по стилистике деятельность раннего ДПНИ. Таким образом, имелась также возможность перейти в прокремлевские “молодежки”, что некоторые национал-радикалы, похоже, восприняли как возможность встроиться в государственные структуры и оказывать на них влияние. Арест Никиты Тихонова в ноябре 2009 года продемонстрировал непримиримую позицию власти по отношению к “Русскому образу” как наиболее радикальной группировке, после чего эта альтернатива русского национализма оказалась закрыта. Заодно прокремлевские молодежки перестали использовать как мягкую альтернативу ДПНИ. Иначе говоря, власть четко обозначила курс на подавление националистических группировок, по крайней мере, до 2013 года.

Важнейшим событием для определения отношения властей с национал-радикалами стали беспорядки на Манежной площади в Москве 11 декабря 2010 года. Сам факт того, что прямо под стенами Кремля ОМОН не смог рассеять толпу примерно в несколько тысяч национал-радикалов и футбольных хулиганов, вызвал сильнейшую обеспокоенность. Это событие, хотя и осталось уникальным

по масштабу, спровоцировало федеральные власти не только на серию полицейских операций и популистских жестов, но и на сравнительно более внятное и, главное, устойчивое формулирование собственной позиции. В последующие годы появился целый ряд официальных заявлений, концепций и программ, которые — при всей неизбежной эклектичности — зафиксировали хотя бы основные позиции. Власть не только отвергает любой национал-радикализм, она противопоставляет этническим национализмам, включая русский, свой вариант государственнического, “цивилизационного” национализма. До Крыма он выглядел весьма смутно, но, тем не менее, было дано ясное представление об основной линии противостояния: политическая нация должна сплываться вокруг фигур и идей, предлагаемых властью, а не вокруг этнических или каких-то иных общностей, возникающих и/или манифестируемых автономно, помимо государственного контроля.

Участие национал-радикалов в протестном движении 2011–2012 годов очень мало отразилось на их отношениях с властями. Важнее оказалась совершенно неожиданная антимигрантская кампания, которую в течение нескольких месяцев 2013 года проводили власти нескольких регионов, включая Москву и Санкт-Петербург, и которая — что еще важнее — была активно подхвачена федеральными телеканалами. Кампания привела к беспрецедентному росту этноксенофобии в обществе. Национал-радикалы откликнулись на действия властей массой собственных акций, политических и силовых — так называемых “рейдов” против мигрантов. Важно, что рейды проводили как известные организации национал-радикалов (“Русские”, Национал-социалистическая инициатива (НСИ) и т.д.), так и совершенно новые молодежные инициативы (“Щит Москвы”, “Атака” и т.д.), а также незадолго до того воссозданная прокремлевская партия “Родина”. Все это наводило на мысль о возрождении — как самого националистического движения, так и осуществляемой сверху политики контролируемой альтернативы, аналогичной той, что проводилась ранее (см. выше), пусть в ослабленной форме.

Антимигрантская кампания постави-

ла под сомнение провозглашенный курс на надэтническую политическую консолидацию, а соответственно и основу противостояния национал-радикалам. Более того, она привела к новым серьезным беспорядкам в самой столице (пусть и на окраине, в Бирюлево-Западном). Возможно, оттого, что эти последствия были осознаны российскими властями, уже к концу осени кампания была свернута.

А уже вскорости массированная политическая мобилизация против Запада и Майдана, а затем против “киевской хунты” и в поддержку присоединения Крыма многократно перекрыла предыдущие колебания курса и привела к максимальному политическому сплочению вокруг Кремля в ущерб этнонационалистическим идеям. Уже весной 2014 года резко снизились и этноксенофобия, и поддержка этнонационалистических лозунгов вроде введения визового режима со странами Средней Азии<sup>2</sup>. Внешнеполитический конфликт и патриотический подъем на длительное время затмили для большинства населения прошлогоднюю антимигрантскую повестку дня. Теперь в дискурсе властей и всех солидарных с ними групп снова, только в более милитаризованной форме, наблюдается доминирование темы политического единства. И опять смысловое наполнение этого национального единства несколько двойственное, так как борьба ведется то ли за “русский мир”, то ли за “русских”; соответственно, и национальное единство должно вроде бы пониматься как “русское цивилизационное”, имперское, но все же имеет и явный этнический оттенок.

Все эти обстоятельства в сочетании с резким ослаблением национал-радикального движения после Крыма (см. ниже) должны были бы привести к некоторому самоуспокоению властей, поскольку угроза конкуренции с независимыми националистами явно и существенно снизилась. Но вместо этого давление на последних, причем практически на все их группы, усилилось<sup>3</sup>. И, следует признать, пока трудно подобрать этому убедительное объяснение.

С другой стороны, нельзя сказать, что власти эффективно проводят политику альтернативы, о которой речь шла выше. Широ-

ко анонсированное движение “Антимайдан” включало национал-радикалов лишь в малой степени, да и сам “Антимайдан” проявил себя всерьез буквально одним большим митингом в феврале 2015 года, а потом проект был фактически заморожен. Бывшие независимые, а ныне полностью лояльные ультраправые, объединенные в инициативу “Битва за Донбасс”, были постепенно отодвинуты на третий план, а сама инициатива подавлена. У партии “Родина” есть заметные успехи в Петербурге, но в целом она явно не получает должной поддержки сверху, а без нее успешно развиваться не может. Список можно было бы продолжить, но суть происходящего в первые полтора года после Крыма ясна: власти не собираются развивать низовое движение в свою поддержку, хотя и толерантны к существующим в этом поле инициативам (даже к явно нарушающим закон).

## Динамика насилия

Все политические организации, которые можно отнести к движению национал-радикалов, связаны, исторически или актуально, с расистским насилием. Различные практики применения насилия и подстрекательства к насилию в период до войны в Украине я недавно достаточно подробно анализировал<sup>4</sup>, что позволяет здесь лишь вкратце суммировать результаты анализа и обратить внимание на изменения 2014 года.

Национал-радикалы не просто практикуют насилие, но понимают его как метод революционизирования страны. Конкретные методы насилия всегда обращены, таким образом, на вовлечение тех или иных слоев населения, прямое или косвенное (то есть в роли сочувствующих наблюдателей). Методы эти были самыми разными, помимо собственно расистских нападений: уличная война с “антифа”, террористические атаки на представителей власти, провоцирование уличных беспорядков, попытки вовлечения футбольных хулиганов, “охота на педофилов” и т.д. Примечательно, что все эти методы помогали поддерживать устойчивый или немного растущий уровень вовлеченности радикально настроенной моло-

дежи, но никакого другого существенного результата добиться не удавалось никогда.

В последние годы самым распространенным вариантом насилия стали уже упоминавшиеся “рейды” против мигрантов или иных групп. “Рейды” — самая популярная форма того, что я называю “лимитированным насилием”, то есть таким насилием, которое ограничено в средствах, зато несет меньший риск наказания, а иногда даже может пользоваться поддержкой правоохранительных органов или части граждан. Но после подъема в 2011–2013 годах с 2014-го пошли на спад даже “рейды”.

Отчасти это объясняется переключением внимания на Украину, но можно отметить и то, что “рейды” — как и другие виды насилия — не помогли национал-радикалам завоевать симпатии обычных граждан. Еще весной 2013 года массовый опрос показал, что, хотя примерно четверть граждан полагает, что русские бьют мигрантов обычно “за дело”, большинство считает, что группировки типа РНЕ или скинхедов надо просто запретить; не согласились с этим менее 20%. Зато около 45% считали, что *“надо поддерживать вооруженные казачьи формирования и подобные им патриотические группы и дружины”*<sup>5</sup>. Конечно, граждане одинаково плохо разбираются и в скинхедах, и в казаках, но они явно предполагают, что неприемлемые “очень радикальные” и не связанные с властью националисты не уполномочены на насилие, в отличие от приемлемых “не очень радикальных” националистов или еще каких-то групп, которые действуют в связке с властями и насилие приносить могут, но без крайностей.

“Обычное” расистское насилие в стиле наци-скинхедских нападений продемонстрировало в 2013 году недолгий рост, что было связано с антимигрантской кампанией, но главное — с постепенным ухудшением качества антиэкстремистского правоприменения<sup>6</sup>. Но затем и этот показатель пошел вниз. В 2014 году это было легко объяснить тем, что несколько сотен ультраправых отправились воевать на украинские фронты, но спад продолжается, похоже, и в 2015 году<sup>7</sup>.

С началом войны в Украине милитантные активисты двинулись в различных направлениях. Те, кто держался от войны в стороне,

оказались — похоже, даже вне зависимости от своих взглядов на войну — под возросшим давлением полиции (так, в 2014 году была полностью разгромлена группировка “Реструкт!”). Зато многие другие, забросив все дела, включились в войну — как, например, лидеры таких важнейших “рейдовых” инициатив, как “Щит Москвы” и “Светлая Русь”. Последние с 2014 года больше известны как часть E.N.O.T. Corporation — неформальной инициативы, занятой поставками гуманитарной помощи в ДНР и ЛНР, а также участвующей там в боевых действиях. История участия национал-радикалов в войне на Донбассе еще не написана, но она явно того заслуживает. Воюющие, заметим, по большей части, хотя и не всегда, несколько оторваны от остающегося на родине движения праворадикалов.

Наконец, важно отметить еще одну перемену периода войны. Часть энергии радикальных националистов всегда уходила в спорт, включая не только “русские пробежки” или “русский жим”, но также и упражнения по ножевому бою. Время от времени можно было наблюдать и элементы настоящей боевой подготовки, в том числе с боевым оружием. В 2014–2015 годах боевая подготовка становится систематической, причем как у оппозиционных, так и у провластных националистов, как у сторонников, так и у противников “Новороссии”. Возникает впечатление, что радикальные русские националисты, как РНЕ после 1993 года, несколько разочаровавшись в попытках применения насилия, готовятся к тому, чтобы обучиться ему получше и использовать приобретенные навыки в подходящий момент. Разница в том, что эта подготовка может совмещаться, и в ряде случаев совмещается, с реальным участием в войне — в Донбассе. Примечательно также то, что эта деятельность, хотя и приносит проблемы с полицией, но, похоже, меньше, чем любая другая.

## Эволюция политических структур

Политические структуры национал-радикалов развиваются под действием трех постоянно действующих факторов.

Во-первых, эти структуры сохраняют тес-

ную связь с милитантной молодежной средой, и отрыв от нее является для политических лидеров крайне рискованным, так как неясно, где еще они могли бы рассчитывать найти поддержку.

Во-вторых, важно выстраивать отношения с властью таким образом, чтобы не быть ею разгромленными, но и не выглядеть марионетками в глазах сторонников, де-факто — той самой среды. Последняя настроена довольно анархически и зачастую параноидально, что в совокупности ведет к падению авторитета любых лидеров при малейших попытках последних вести себя более политически (ДПНИ, например, с 2008 года испытывало в связи с этим все более явные внутренние трудности).

В-третьих, необходимо как-то расширять свою социальную базу, а для этого надо научиться апеллировать к обывателю, а не к идейному ультраправому бойцу.

С 2008 года ДПНИ вместе с национал-демократами твердо выступали как оппозиция. Именно тогда ДПНИ делает попытку (малоудачную и потом забытую) создать широкую коалицию, включающую также Русское общественное движение (РОД) Константина Крылова (самая заметная тогда инициатива национал-демократов), группу Алексея Навального и остатки созданной годом ранее партии “Великая Россия” Андрея Савельева. В это же время “Русский образ” сочетал аполитичную риторику и покровительство боевикам, а респектабельный и “возрастной” Российский общенародный союз (РОС) Сергея Бабурина привлекал в руководство и в актив более молодых и более радикальных деятелей.

Национал-радикалы с 2009 года все чаще выставляют себя защитниками свободы слова, что стало средством сближения с либеральной частью оппозиции. Возникает даже “правая правозащита”, хотя “узники совести” националистического направления чаще всего на самом деле осуждены за насилие.

С конца 2009 года конкуренция “Русского образа” с ДПНИ утратила былой динамизм. Дошло до того, что в сентябре 2010 года эти две организации вместе со Славянским союзом (СС), НСИ, разными национал-демократами и даже с некоторыми “старыми национа-

листами” — Русским имперским движением (РИД) Станислава Воробьева и Союзом русского народа (СРН) Александра Турика — подписали общую декларацию<sup>18</sup>. Примечательно, что она апеллировала скорее к демократии и защите гражданских прав, чем к обычным националистическим идеям. Заложённая таким образом коалиция не состоялась из-за дискредитации “Русского образа”<sup>19</sup>, но сам подход к формированию коалиции примечателен. Национал-радикалы хотели быть приняты либеральной оппозицией как равные, хотя и особенные.

Предвыборный 2011 год давал для этого дополнительные возможности. Начались новые уголовные и гражданские дела против ДПНИ, СС и РОИС, что позволяло националистам представлять себя в роли “жертв режима”. По масштабу публичных акций в столице и в большинстве крупных городов националисты обогнали не только либералов, но и коммунистов. В обществе широко распространилось представление о росте этноксенофобии<sup>20</sup>. Эти факторы заставляли разные политические группы видеть в националистах самый перспективный отряд оппозиции. Тогда умножились контакты и даже совместные действия групп националистической и либеральной оппозиции. Это сотрудничество довольно двусмысленно смотрелось на фоне продолжающейся риторической поддержки “Манежки” со стороны всех националистов.

2011 год оказался годом выбора политической траектории для основных сил националистов. Отмечу здесь лишь основные элементы этой перегруппировки.

Основные силы национал-радикалов размежевались с национал-демократами (сохраняя союзнические отношения) и создали объединение “Русские” как коалицию ДПНИ, СС, НСИ, РИД, СРН и РФО “Память” Георгия Боровикова.

РОС предпочёл развиваться сам по себе и с декабря 2011 года выступал чаще против протестного движения, чем за него. В результате политическая траектория РОС постепенно отделилась от траектории “Русских”: РОС стал такой же частью прокремлевского национализма, как возрождённая партия “Родина”, только гораздо слабее.

“Русские”, напротив, вместе с национал-демократами с самого начала приняли активное участие в протестном движении. Наиболее заметным результатом этого альянса стало резкое сужение низовой поддержки политического крыла национал-радикального движения со стороны основной массы милитантных союзников. Количество националистов на больших московских маршах протеста обычно оставалось в пределах 500 человек, включая национал-демократов, то есть раз в 10–12 меньше, чем бывало в тот период на московском “Русском марше”<sup>21</sup>, и в среднем в 50–100 раз меньше, чем общее количество участников. Таким образом, участвующая в протестном движении верхушка националистов растеряла почти всю поддержку снизу: рядовые активисты не только сами не хотели маршировать вместе с либералами и левыми, но и крайне негативно относились к тем, кто примкнул к “идеологически чуждым”<sup>22</sup>.

В объединённой оппозиции, формировавшейся в рамках протестного движения, националисты смогли занять какое-то место только благодаря некоторым либеральным и левым лидерам (Алексею Навальному, Илье Пономареву и т.д.), которые всячески способствовали закреплению националистов в руководстве через механизм “идеологических квот”. Видимо, националистам было на руку и представление ряда коллег из других секторов оппозиции, что националистические лидеры в каком-то смысле репрезентируют массовые этноксенофобные настроения, которыми многие оппозиционеры не считали возможным пренебрегать. Даже прямое насилие в отношении партнеров (в частности, две попытки взять сцену митинга штурмом) не отваживало большинство либеральных и левых лидеров от такого сотрудничества.

Нам важно также отметить, что и внутри протестного движения у националистов сохранялось явное разделение на национал-радикалов и национал-демократов. В первом Гражданском совете оппозиции, сформированном в январе 2012 года, 10 человек националистической “курии” были изначально разделены на две равные фракции — “национально-освободительную” и “национально-демократическую”<sup>23</sup>. С середины 2012 года

национал-радикалы, в отличие от национал-демократов, явно начинают тяготиться участием в общем движении. Во время кампании по выборам московского мэра летом 2013 года, ставшей самым крупным политическим успехом оппозиции, национал-радикалы разделились: московские “Русские” поддержали Навального (вместе с национал-демократами), в то время как основные петербургские лидеры Николай Бондарик, Дмитрий (Бешеный) Евтушенко и Максим Калинин разделяли мнение большинства национал-радикалов, что за “либерала” голосовать нельзя.

Повлияли ли в результате националисты на общий курс оппозиции и на ее место в обществе? Сомнительно. Единственное их реальное достижение — резолюция Координационного совета оппозиции (КСО) 11 февраля 2013 года о необходимости введения визового режима со странами Центральной Азии, кроме Казахстана.

За пределами Москвы митинги протеста не были столь массовыми, доля новых участников была гораздо ниже и, соответственно, доля националистов и их роль могла оказываться выше, чем в столице. В частности, она была явно выше в Санкт-Петербурге, что также объяснялось высокой эффективностью базирующихся именно там НСИ и РИД, а также более националистическим настроением местного отделения лимоновской “Другой России”.

И все же даже в Петербурге оппозиционная активность националистов постепенно шла на спад вместе с общим снижением оппозиционной активности. На выходе из периода массовых уличных акций политические организации национал-радикалов, насколько можно судить, никак не расширили свою базу за счет новых участников протестов и при этом в значительной степени потеряли поддержку радикальной националистической молодежи. Заметим, что и те национал-радикальные группировки, которые, как коалиция “Руссовет” или партия “Великая Россия”, всячески противопоставляли себя протестному движению, в плане общественной поддержки тоже ничего не добились.

Начало антимигрантской кампании весной 2013 года, как уже говорилось выше, по-

зволило националистам развернуть бурную активность “на своем поле”<sup>24</sup>. Но после действительно рекордного “Русского марша” 4 ноября весь подъем быстро сошел на нет.

Украинские события привнесли серьезнейший раскол в националистическую среду. Внутренние конфликты бывали и раньше, но никогда они не были столь разрушительны не только для коалиций (фактически развалилось движение “Русские”), но и для самих организаций.

Начиная со столкновений на улице Грушевского, события на Украине возрождали у националистов надежду на успех “белой революции” в России: Майдан можно было рассматривать как позитивный пример, особенно если придавать преувеличенное значение “Правому сектору”. Позже появление ряда ультраправых депутатов в украинском парламенте и существование целых воинских формирований, руководимых ультраправыми, вызвали у националистов в России еще большую зависть.

Переход украинского кризиса из фазы столкновений по линии “власть-оппозиция” к столкновениям по линии, которую можно было интерпретировать как “украинцы-русские”, поставил русских националистов перед серьезным выбором. Если Майдан оппозиционная часть националистов преимущественно поддерживала, то позже в этой среде возникли серьезные разногласия. Не пытаясь здесь даже приблизительно обрисовать эту дискуссию<sup>25</sup>, кратко остановлюсь только на том расколе, который произошел среди национал-радикалов.

Такие организации, как РОНС, РИД, НСИ и ряд групп помельче, типа “Черной сотни”, вместе с провластными националистами, национал-большевиками и большинством национал-демократов поддерживали “Русскую весну”. При этом кто-то из них мог вообще не признавать существование украинской нации, а кто-то, наоборот, констатировал “этнический конфликт” с украинцами. Но в любом случае оппозиционеры не переставали считать российский режим “антирусским”, а, следовательно, от “русского восстания” в Донбассе ждали активизации русского “национального возрождения” в России.

Между тем немалое число политических

лидеров национал-радикалов выступило против “Русской весны”: среди них почти все руководство движения “Русские” в Москве и Петербурге, многочисленные неонацистские группы типа WotanJugend, а также отдельные деятели из движений и групп, в целом поддерживающих “Русскую весну”. Эта позиция также была основана на отрицании или преуменьшении конфликтности и вообще различия по линии “украинцы — русские”. Соответственно, для этих деятелей украинская революция выглядела как первый этап общей “национальной революции” против “антирусского режима”.

Эти споры становились причиной различий не только в политической, но уже и в боевой практике: сотни националистов уехали воевать на стороне “Новороссии”, а десятки, напротив — на стороне Киева.

Русские националисты в целом оказались в довольно глупом положении: они, в зависимости от позиции по “украинскому вопросу”, или шли в хвосте всеобщей поддержки курса президента Путина и тем самым становились неинтересны обществу, или должны были выступать против сформировавшегося патриотического супербольшинства, что страшно, невыгодно и непривычно для тех, кто привык видеть себя авангардом русского народа. Это глупое положение длится уже значительное время, и конца этому не видно. Хотя в 2015 году ультраправые, чтобы вернуть к себе интерес, стали пытаться избегать украинской тематики, пока их усилия не увенчались успехом.

С начала 2014 года можно было наблюдать только непрерывный спад активности; даже “Русский марш” в 2014 году оказался провальным<sup>26</sup>. При этом провал активности происходил у всех групп националистов, которые имели оппозиционный бэкграунд. Наиболее существенным — по всем показателям — оказалось количественное снижение публичной деятельности у противников “Новороссии”; но и у ее сторонников ситуация была ненамного лучше. Упадок наблюдался даже у тех национал-радикалов, кто избрал путь полноценной поддержки курса Кремля, например у организаторов инициативы “Битва за Донбасс”. В первой половине 2015 года эта тенденция в полной мере продолжилась;

к ней добавились явно возросшее давление со стороны властей на все националистические группы и заметное снижение насильственной активности<sup>27</sup>. Таким образом, можно сказать, что поворот от попытки подъема в 2013 году к последующему глубокому упадку не был кратковременной флуктуацией.

## Причины провала национал-радикалов

Видимый упадок праворадикального движения, разумеется, связан с украинскими событиями, о чем речь еще пойдет ниже. Но заслуживает внимания резкое снижение активности еще до первых столкновений на Майдане и уж точно до свержения Януковича. Гипотеза, что русские национал-радикалы, едва в Киеве что-то началось, просто “засмотрелись в монитор”, кажется недостаточной. Но если этот фактор и сыграл свою роль, то это, по меньшей мере, свидетельствует о невысоком политическом качестве движения.

Что же было не так с национал-радикалами? Выше уже говорилось о том, что участие в массовых протестах принесло им скорее потери, чем приобретения, да и до этого рост националистического движения явно замедлялся. Энтузиазм, вызванный антимигрантской кампанией, спал так быстро, что был похож на краткосрочную ремиссию больного организма.

Конечно, сказывалось, и продолжает сказываться, полицейское давление. Например, в конце 2013 года в Санкт-Петербурге, где, в отличие от Москвы, сложилась устойчивая практика совмещения политических и силовых акций, ареста Бондарика и домашнего ареста Евтушенко оказалось достаточно для резкого снижения активности национал-радикалов. Позже тот же сюжет был многократно повторен с другими группами и в других городах. И такая легкость регулирования путем репрессий тоже свидетельствует о явно недостаточной готовности национал-радикальных структур к активным действиям.

Гораздо важнее полицейских репрессий то, что и в весьма благоприятных условиях 2013 года, как и в ситуации до декабря 2011 года, когда националисты занимали домини-



рующее положение среди оппозиционно настроенных групп, и в период участия в более широком общественном движении в 2012 году движение национал-радикалов демонстрировало лишь очень слабую тенденцию к росту. Да и этот слабый рост достигался преимущественно за счет географического расширения. Исследований состава активистских групп в разных городах почти нет, но можно предположить, что появление “Русского марша” или “Русского Первояма” там, где их раньше не было, захватывает примерно такие же группы, которые они сумели привлечь в предыдущих городах. Качественно расширить поддержку своего движения национал-радикалам не удавалось. Причин этому, кроме давления со стороны властей, можно назвать по меньшей мере три.

Во-первых, базой движения по-прежнему остаются молодежные группы, ориентированные на насилие; из этих групп рекрутируется почти весь актив. Именно с молодыми людьми характерного вида, участвующими в “Русском марше”, ассоциируются русские националисты в глазах граждан, и этот образ статистически вполне адекватен. Так что средний гражданин, склонный к этноксенофобии, просто стилистически несовместим с такой политической силой.

Во-вторых, самыми успешными мобилизационными практиками национал-радикалов до сих пор были всевозможные “кондопоги”, “манежки” и “русские зачистки”, но уличные беспорядки определенно не пользуются симпатией граждан. Собственно, гражданам в большинстве своем вообще плохо или по крайней мере настороженно относятся к низовому политическому насилию. Другие же методы национал-радикалам даются плохо.

В-третьих, как уже отмечалось<sup>28</sup>, граждане предпочитают доверить борьбу с “нелегальными мигрантами” — как, впрочем, и со всеми другими проблемами — государству или уполномоченным им организациям, а не самостоятельным группам, тем более оппозиционным. Несмотря на критическое отношение к представителям власти — коррумпированным, неэффективным и пр. — россияне в конечном итоге полагаются именно на государство.

Конечно, этот третий фактор не вечен; да

и второй, вероятно, тоже. Более того, изменения такого рода могут быть довольно быстрыми и всегда начинаются неожиданно, так что у лидеров национал-радикалов сохранялась надежда. Но с другой стороны, ожидания подобных перемен уже много лет остаются лишь ожиданиями.

Украинский кризис радикально изменил повестку дня в стране. Априори можно было предположить, что новая большая конфронтация пойдет на пользу национал-радикалам: ведь она не могла не повлечь за собой подъем национализма. Но вышло, как уже было сказано, совершенно иначе. Радикальный русский национализм, основанный в первую очередь на мигрантофобии, в очень значительной степени утратил актуальность для большинства граждан. Не только из-за понижения уровня этой самой мигрантофобии, но и из-за сильнейшей конкуренции с новой популярной идеологией, выстроенной против другого врага. Казалось бы, у этой идеологии есть важный недостаток: Америка, Запад и даже “бандеровцы” — это удаленные враги, не столь наглядные, как мигранты. Но, при всей аморфности этих идейных установок, у них есть также решающее достоинство: они продвигаются властью, а исходящее от власти по-прежнему пользуется доверием<sup>29</sup>. А при общей неготовности к насилию ненависть к удаленному врагу даже удобнее.

Лидеры национал-радикалов, в сущности, уже до 2014 года успели перепробовать все доступные им методы мобилизации поддержки, но по перечисленным выше причинам поддержка не расширялась. Технологические методы вовлечения — “качалки”, “русские пробежки”, “наркофиляй” и прочие придумки — в конечном счете не показали должной эффективности. Группы национал-радикалов, от крайне маргинальных до почти респектабельных, лишь перехватывают радикальный молодежный актив друг у друга, с поправкой на смену поколений, быстро в молодежной среде.

Активизация боевой подготовки, о которой говорилось выше — еще один такой технологический метод, и не более эффективный, чем предыдущие. Могу также повторить гипотезу, что, разочаровавшись в попытках

мобилизации, подавленные полицейскими операциями и превосходящей мощью пропагандистской машины государства, националисты переходят в “режим ожидания”. Как уже говорилось выше, для РНЕ в 90-е аналогичное ожидание закончилось крахом самого движения<sup>30</sup>.

Следует также помнить, что наиболее милитантная часть русских националистов так или иначе оказалась связана с войной в Украине. Структуры, формировавшиеся в связи с этой войной, пока плохо изучены и, главное, мало или совсем не участвуют в российской политической жизни. Когда участники боев вернутся (а большинство ведь вернется, многие уже вернулись) в Россию, они, гипотетически, смогут сыграть какую-то роль в реорганизации различных радикальных течений. Тем более, что среди воевавших там российских граждан перемешаны и влияют друг на друга люди самых разных взглядов и разного бэкграунда. Добровольцев в общей сложности несколько тысяч<sup>31</sup>, что вполне сопоставимо с реальным политическим активом националистов (да и не только их) внутри страны. Мы не можем предсказать, какие именно перемены в националистическом секторе последуют в связи с их возвращением, но можно быть уверенным, что перемены будут, и нынешние организации и лидеры национал-радикалов, явно не контролирующие этот потенциальный актив, от таких перемен проиграют.

Ошибочно думать, что национал-радикалам не хватает ярких лидеров. Их лидеры ничем не плохи, они вполне отвечают запросам тех активистских кругов и групп, которые их выдвинули. Националистическому движению не хватает не технологии или лидеров, а нового поколения низового актива — на смену, видимо, уже исчерпавшему себя активу, выросшему на наци-скинхедской волне. А когда сформируется новая низовая среда активистов, как это было в конце 90-х — начале 2000-х, она, скорее всего, выдвинет уже новых лидеров<sup>32</sup>.

## Каким будет новое движение?

Мы пока не можем этого знать. Именно потому, что еще не видим этой новой активистс-

кой волны. Если она, что не исключено, будет в немалой степени состоять из тех, кто воюет в Донбассе, то и о них пока, думаю, преждевременно судить как о целом. В новой национал-радикальной волне найдет себе место и какая-то часть тех, кто является активистом сейчас (так всегда бывает); причем не исключено, что не из нынешних национал-радикальных групп, а, например, из молодых национал-демократов или не из националистов вообще.

Важнее то, что мы не знаем, какие идеи придут на смену нынешним. Перемен можно ожидать именно в связи со сменой поколения, выросшего в годы расцвета наци-скинхедского движения. Вряд ли сохранится типично скиновская приверженность идеям и даже символике западного White Power (как еще раньше отошел в тень имитационный гитлеризм). Можно ожидать, что такие темы, как “озабоченность миграцией” и “озабоченность исламом”, сохранятся (и вернутся на первый план, если смягчится и/или рутинизируется противостояние с Западом), но все это может интерпретироваться в менее расистском ключе, чем принято сейчас у национал-радикалов. Тогда те, кто по-прежнему будет сохранять верность расистским идеалам, будут отеснены на обочину.

Важно снова напомнить, что речь в этой статье идет не о русском национализме вообще. Есть и будет шириться прокремлевский имперский национализм. Сохранятся крайние нелегальные группы, ориентированные только на насилие и идейно наследующие нынешним боевым неонаци. Сохранятся и еще более архаичные группы русских националистов: православные монархисты, авторитаристы-“почвенники”, расисты-неоязычники и т.д. и т.п.; но вряд ли им суждено какое-то возрождение. Есть какое-то будущее и у русских национал-демократов, хотя их нынешние организации пребывают не в меньшем упадке, чем организации национал-радикалов<sup>33</sup>. Прогрессирующее ослабление оппозиционных националистических организаций делает все более видимой пустоту на месте низового политического русского национализма, независимого от Кремля. Можно, конечно, предположить, что вышеперечисленные течения

заполнят это пустое место с разных сторон, но более вероятным кажется появление именно нового течения (пусть отчасти впитавшего нынешние).

Как и до Крыма, но в заметно большей степени, идейный облик оппозиционного национализма будет строиться в противопоставлении государственной идеологии, точнее — политической практике и риторике. Хотя власти куда активнее, чем раньше, играют на идеологическом поле, целостная государственная идеология вряд ли возникнет. Предлагаемый ныне сверху сплав идей, разнородных фигур, риторических практик и политических жестов выглядит аморфно и большинству националистов представляется, надо полагать, слабым. Это порождает две возможные стратегии реагирования со стороны новых националистов — конкуренции и альтернативы: сделать примерно так же, как Кремль, но лучше — четче, цельнее, привлекательнее; или сделать совсем по-другому, добиваясь большей популярности, чем официальное предложение. Например, если официальная линия — явно имперская, можно предлагать “более имперскую” (как сейчас, например, у Проханова), а можно — антиимперскую, этнонационалистическую (как сейчас, например, у “Русских”). Но то же верно и по отношению к другим элементам — православию, культурной архаике, удержанию Северного Кавказа, политическому авторитаризму, дальнейшему огосударствлению экономики и т.д. При этом можно выбирать стратегию конкуренции по одному параметру и стратегию альтернативы по другому.

Какой именно сплав разных подходов окажется перспективным, заранее не угадать. Нельзя даже сказать, что на первый план выйдет непременно какой-то один сплав, их может быть и два, например более конкурентный и более альтернативный. Но, в любом случае, представляется, что речь будет идти не только о сплаве идей, но также о каком-то

сплаве активистских групп — более и менее связанных с властью.

Это последнее соображение нужно пояснить. Конечно, с 2012 года в оппозиционной среде, в том числе и в националистической, широко распространены прогнозы скорого падения существующего режима, и это влияет на личные стратегии активистов — а ведь из личных стратегий складывается общая. Революционные надежды сменились, как я думаю, “режимом ожидания”, но и он может оказаться не таким долгим. Если в стране в недалеком будущем действительно будет происходить смена режима (в любой форме) — националисты, как и другие низовые активисты, будут принимать в этом участие как союзники (скорее всего — младшие) каких-то конфликтующих элитных групп, и это потребует срочной конвергенции также и их идеологических “наработок”. Если же резкая ломка на элитном уровне будет надолго отложена и авторитарный режим управления будет стабильным, то — вне зависимости от нынешних намерений Кремля — будут постепенно развиваться и институционализироваться провластные националистические группы. У них будут развиваться собственные потребности, собственный актив, будут возникать расколы и т.д.; тогда нынешние и будущие оппозиционные националисты будут так или иначе взаимодействовать и конвергировать с националистами провластными (и не с националистами — тоже). Второй сценарий видится более вероятным; у такой конвергенции есть уже определенная предыстория и есть современный опыт, приобретаемый в ДНР/ЛНР.

Какой бы из перечисленных вариантов ни реализовался, он будет означать весьма существенные перемены в движении русских националистов. Лет через пять оно будет, скорее всего, совсем не похоже на то, к которому мы привыкли за последние десять лет.

## Примечания

- 1 LARUELLE M. *In the Name of the Nation*. NY: Palgrave Macmillan, 2009.
- 2 Эта статья предполагает знакомство читателя с основными акторами и обстоятельствами движения русских националистов. О многих, но, увы, не обо всех организациях националистов того времени можно прочесть в: Кожевникова Г., Шеховцов А. и др. *Радикальный русский национализм: структуры, идеи, лица*. М.: Центра “Сова”, 2009.
- 3 У национал-демократов – явно свой, только формирующийся путь, и рассматривать их динамику и перспективы вместе с остальными было бы ошибкой.
- 4 Верховский А. *Идейная эволюция русского национализма: 1990-е и 2000-е годы* // *Верхи и низы русского национализма*. М., 2007. С. 6-32.
- 5 Эта статья основана в значительной части на докладах моих коллег по Центру “Сова”. До своей смерти в 2011 году основным автором докладов была Галина Кожевникова, а с тех пор доклады пишут Наталия Юдина и Вера Альперович. Все доклады доступны на сайте Центра “Сова” (<http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/>), а также в издаваемых Центром “Сова” ежегодных сборниках докладов (см. <http://www.sova-center.ru/books/>); я не буду перегружать статью постоянными ссылками на эти доклады, ограничившись лишь несколькими случаями.
- 6 Альперович В., Юдина Н. Украина спутала националистам карты: Ксенофобия и радикальный национализм и противодействие им в России в первой половине 2014 // Центр “Сова”. 2014. 14 июля (URL: <http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2014/07/d29887/>) (доступ 04.11.2015).
- 7 Специально к выборам формировалась широкая коалиция, которая должна была быть зарегистрирована как партия “Великая Россия”. Явно были даны какие-то обещания, но выполнены они не были: партию не зарегистрировали, и коалиция распалась.
- 8 NORVATH R. *Russkii Obraz and the politics of “managed nationalism”* // *Nationalities Papers*, 2014. Vol. 42, № 3, PP. 469-488.
- 9 Верховский А. *Этнополитика федеральной власти и актуализация русского национализма* // *Pro et Contra*. 2014. № 1-2. С. 19-33.
- 10 Россияне о миграции и межнациональной напряженности // Левада-центр. 2013. 5 ноября (URL: <http://www.levada.ru/05-11-2013/rossiyane-o-migratsii-i-mezhnatsionalnoi-napryazhennosti>) (доступ 04.11.2015).
- 11 Романов М.В., Степанов В.В. *Национальный вопрос в России в контексте украинского кризиса*. М.: Общественная палата РФ, 2014 (доступно на сайте Центра “Сова”. URL: <http://www.sova-center.ru/files/xeno/politeh-june14.pdf>) (доступ 04.11.2015).
- 12 Альперович В., Юдина Н. *Прокремлевские и оппозиционные – со щитом и на щите* // Центр “Сова”. 2015. 27 июля (URL: <http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2015/07/d32502/>) (доступ 04.11.2015).
- 13 Верховский А. *Динамика насилия в русском национализме* // *Россия – не Украина: современные акценты национализма*. М., 2014. С. 32-61.
- 14 Данные опроса исследовательского холдинга Ромир (выборка из 1000 человек по России и 600 по Москве), проведенного в мае 2013 года по заказу международного академического проекта “Нациестроительство и национализм в современной России”. Надо заметить, что в Москве, существенно более ксенофобной, чем Россия в целом, разрыв в поддержке условных “скинхедов” и условных “казаков” еще больше, чем в среднем.
- 15 Здесь не следует усматривать политическую подоплеку. Причины такой динамики рассмотрены, например, в: Альперович В., Юдина Н. *Праворадикал расправил плечи. Ксенофобия и радикальный национализм и противодействие им в 2013 году в России* // *Ксенофобия, свобода совести и антиэкстремизм в России в 2013 году*. М.: Центр “Сова”, 2014. С. 5–58.
- 16 Они же. *Прокремлевские и оппозиционные...*
- 17 Декларация русских национальных организаций // Сайт ДПНИ. 2010. 16 декабря (URL: [http://www.dpni.org/articles/novosti\\_dp/18928/](http://www.dpni.org/articles/novosti_dp/18928/)) (доступ 04.11.2015).
- 18 Илья Горячев и некоторые другие деятели дали нужные следствию показания по делу Никиты Тихонова и Евгении Хасис; опубликование этих протоколов привело к обструкции “Русского образа” в национал-радикальной среде.

- 19 В действительности уровень этноксенофобии был довольно стабилен с 2000 по 2012 год, см.: Россияне о миграции и межнациональной напряженности // Левада-центр. 2013. 5 ноября (URL: <http://www.levada.ru/05-11-2013/rossiyane-o-migratsii-i-mezhnatsionalnoi-napryazhennosti> (доступ 04.11.2015)). Но сама тема “межнациональных конфликтов” занимала в общественной дискуссии все большее место, особенно после “Манежки”.
- 20 Единственным исключением был марш в феврале 2012 года по Якиманке, когда националистов было от 800 до 900 человек. Зато во многих случаях их бывало существенно меньше пятисот.
- 21 См., например, позицию Егора Просвирнина (ныне известен популярным интернет-проектом “Спутник и погром”) того времени и комментарии читателей на неонацистском форуме: Егор Просвирнин: Ровно без четырнадцати восьмидесят восемь // Правые новости. 2012. 19 февраля (URL: <http://pn14.info/?p=100880&cp=all#comments> (доступ 04.11.2015)).
- 22 БАСМАНОВ В. *Сообщение Басманова на форуме ДПНИ 23 января 2012 года* (сохраненная копия URL: <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:GFRnVIIF6AgJ:forum.dpni.org/archive/index.php/t-40349.html%3Fs%3De495426c5ac928c24b8384be914b4cd+&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru> (доступ 04.11.2015)).
- 23 АЛЬПЕРОВИЧ В., ЮДИНА Н. *Праворадикал расправил плечи...*
- 24 АЛЬПЕРОВИЧ В. *Идеологические баталлии русских националистов на украинских фронтах* // Россия – не Украина: современные акценты национализма. М., 2014. С. 292-305; АЛЬПЕРОВИЧ В., ЮДИНА Н. *Затишье перед бурей? Ксенофобия и радикальный национализм и противодействие им в 2014 году в России* // Ксенофобия, свобода совести и антиэкстремизм в России в 2014 году. М., 2015. С. 5-71.
- 25 Там же.
- 26 Они же. *Прокремлевские и оппозиционные...*
- 27 См. ссылку 15 на данные опроса РОМИР.
- 28 Часто говорят, что высокий уровень доверия к власти объясняется массовой пропагандой по ТВ. Порой приводятся более основательные объяснения. Но сам факт, что значительное большинство граждан довольно твердо следует ориентирам, задаваемым властью (пусть даже критикуя ее), трудно отрицать.
- 29 Лихачев В., Прибыловский В. *Русское Национальное Единство, 1990–2000. В 2-х т.* Stuttgart: Ibidem, 2005.
- 30 Мне неизвестны внушающие доверие расчеты численности “добровольцев”. Сам я исхожу из двух посылок. Первая: во всех соединениях сепаратистов воевало порядка 30 тысяч человек (и тут разброс оценок тоже велик), и по многим личным свидетельствам количество россиян среди них было порядка 10-20%. Вторая: организованные националисты составляют, также по личным свидетельствам, лишь маленькую часть “добровольцев”, но даже их мы знаем заметно больше сотни — а многих, конечно, не знаем. Следовательно, “добровольцев” в целом было несколько, но не много, тысяч. Экс-премьер ДНР Александр Бородай говорил даже о 30-50 тысячах, но это выглядит явным завышением численности. См.: В России создан Союз добровольцев Донбасса // ТАСС. 2015. 27 августа (URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2215105> (доступ 04.11.2015)).
- 31 Возможно, у национал-демократов другая перспектива. Но они, напомню, не являются предметом этой статьи.
- 32 Эмиль Паин, выступавший с наиболее основательными оптимистическими прогнозами, в апреле 2015 года в докладе на ASN Convention в Нью-Йорке отказался от гипотезы о близком прогрессе национал-демократов. В июле 2015 года он повторил это на дискуссии о национал-демократах в Сахаровском центре в Москве.

